ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

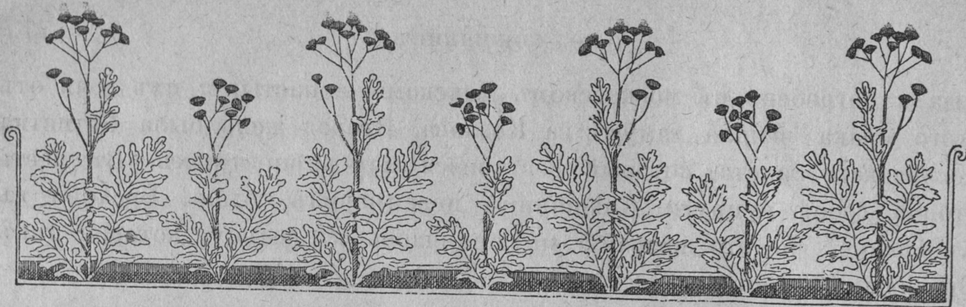
1913

6

стр.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

I.

Мое дѣтство и моя семья.

Родилась я въ старинной дворянской семьѣ, живущей постоянно въ деревнѣ въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи Карцовѣ, Рязанской губерніи. Мать моя, Людмила Павловна, урожденная Селиванова, поздно вышла замужъ за моего отца Кузьму Ивановича Соловова, бѣднаго смоленскаго дворянина. Состояніе моего дѣда по отцу, Ивана Степановича Соловова, было разорено въ 12-мъ году во время нашествія французовъ. Отецъ мой 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Украинскій полкъ; уходя изъ дома мой дѣдъ могъ дать ему на дорогу только 3 рубля, что тогда считалось на ассигнаціи 10 руб. 50 коп.; изъ этихъ денегъ мой отецъ въ Кіевѣ купилъ молитвенникъ, хранимый мной и въ настоящее время. Въ концѣ 30-хъ годовъ проводилось шоссе отъ Москвы до Рязани. Украинскій полкъ назначенъ былъ на производство этихъ работъ. Это было великое событіе для того времени, когда наше глухое мирное мѣстечко, оживилось съ приходомъ Украинскаго полка. Маіоръ этого полка квартировалъ въ Карцевѣ въ домѣ тогда еще бывшей въ живыхъ моей бабушки Анны Ѳоминичны, урожденной Колиминой; она очень рано вышла замужъ за моего дѣда Павла Петровича Селиванова, имѣла много дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались только двѣ дочери: Александра Павловна, самая старшая изъ дѣтей, и самая младшая—моя мать Людмила Павловна. Отецъ мой, бывшій Казначеемъ въ Украинскомъ полку, тоже имѣлъ квартиру въ Карцевѣ у одного крестьянина, часто бывалъ въ домѣ моей бабушки и въ концѣ работы шоссе, посватался за мою мать, которая считала себя уже старой дѣвой и не думала выходить замужъ. Ей было въ то

время 33 года; а отцу моему 28 лѣтъ, но жена маіора, какъ то сумѣла уговорить мою бабушку и мать, и свадьба состоялась въ 1837 году 5-го сентября. Полкъ ушелъ, а отецъ мой вышелъ въ отставку и остался полнымъ хозяиномъ въ домѣ моей бабушки, которая была въ это время очень слабая и больная старушка. Вскорѣ послѣ брака моей матери она скончалась, въ 38-мъ году, дождавшись перваго внука, который умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія.—И вотъ семья моей матери, когда родилась я, состояла изъ трехъ лицъ: моей тети Александры Павловны, моего отца Косьмы Ивановича и моей матери Людмилы Павловны. Эти три лица были связаны горячей привязанностью другъ къ другу. Я въ дѣтствѣ не помнила ни одной ссоры, ни одной размолвки между ними, и хотя Карцево принадлежало моей тетѣ, но это было только извѣстно по документамъ: она своихъ правъ на владѣніе никогда не заявляла, всѣмъ завѣдывалъ мой отецъ и все хозяйство было въ его рукахъ. Кромѣ Карцева у насъ еще было въ 7-ми верстахъ имѣнія Борислово, и Подосинки, между Борисловомъ и Карцевымъ. Домашнимъ хозяйствомъ больше занималась моя мать. Тетя моя была нашимъ добрымъ геніемъ. Она, некрасивая собой, никогда никакой привязанности не имѣла, кромѣ какъ къ семьѣ своей младшей сестры и моей матери, которую она обожала; она была старше ея на 10 лѣтъ. Что это за золотое сердце моей тети! Она никогда не пользовалась своими правами владѣлицы имѣнія. У ней былъ какой то столяръ, который ходилъ на оброкѣ, какъ говорилось тогда при крѣпостномъ правѣ, жилъ въ Москвѣ и платилъ въ годъ 75 рублей оброка и, вотъ эти деньги были ея личнымъ доходомъ, который почти весь уходилъ на наши дѣтскія нужды и забавы. Маленькая, худенькая, она дѣлала себѣ въ годъ два платья: одно теплое зимнее и другое лѣтнее изъ очень тонкой англійской холстинки. Носила „замшевыя" башмачки очень мягкіе, которые ей дѣлали свои крѣпостные башмачники. Были у нее, я помню, какія-то два шелковыя платья, которыя перешивались, передѣлывались и надѣвались въ самые торжественные дни; дома она всегда имѣла на головѣ бѣлый батистовый чепчикъ съ большой оборкой. Всегда кроткая спокойная, добрая, занятая работой, она вязала чудные узорчатыя чулки изъ тончайшей какъ паутина крученой бумаги; эта работа была замѣчательна по своему изяществу. Въ домѣ она занималась больше всего нами-дѣтьми. Любила и всегда сама разливала чай. Лѣтомъ варила съ помощью горничныхъ варенье, дѣлала разныя маринованья, соленья, наливки, какія то шипучія водицы; всего этого заготовлялось большое количество и наполнялись всѣ подвалы.—Но главное ея занятіе было наблюденіе за дѣвичьей, гдѣ семь а иногда и больше дѣвушекъ занимались

пряжей льна на самопрялкахъ. Пряжа эта была замѣчательно тонкая; изъ нея крѣпостные ткачи ткали прекрасныя полотна, скатерти, салфетки и полотенца. Лѣтомъ эти же дѣвушки плели кружева изъ самыхъ тончайшихъ нитокъ ими же напряденныхъ. Съ прислугой и вообще со всей нашей дворней она всегда обращалась кротко и любовно. Была очень разсчетлива и ея разсчетливость иногда доходила до скупости, надъ чѣмъ иногда мать и отецъ добродушно посмѣивались.—Мать моя была совсѣмъ иного характера, любимица семьи, красивая, живая, нервная, часто вспыльчивая, страдала припадками истеріи при сильномъ испугѣ и волненіи; ея сестра и мужъ берегли и любили ее безконечно, все въ домѣ жило для нея и все дѣлалось по ея желанію, все печальное отъ ней скрывали, а также и всѣ хозяйственныя неудачи и затрудненія, пока было возможно, тетя и отецъ улаживали безъ нея, и все худое отъ ней скрывали, чтобы не разстраивать ея. Это соблюдалось всѣми въ домѣ; всѣ ее баловали безъ конца. Насъ она, какъ я теперь помню, очень любила, но на дѣтей мало обращала вниманія и росли мы, хотя и въ одномъ домѣ, но далеко отъ нея. Настоящей нашей матерью баловницей была наша тетя, мы ее тормошили съ утра до ночи, она заботилась о насъ, не спала съ нами ночей, когда мы бывали больны. Мать моя была очень развитая женщина, много читала, знала всю русскую литературу того времени, любила стихи. Пушкина обожала, и всѣ его сочиненія у ней были списаны. „Евгенія Онѣгина“ она гдѣ то добывала прямо рукописью и списывала въ свои тетрадки, которыя и до сихъ поръ цѣлы у меня.—Отецъ мой былъ очень любимъ всѣми окружающими за доброту и честныя убѣжденія. Хозяинъ онъ былъ неутомимый, цѣлые дни проводилъ на воздухѣ и зиму и лѣто. Себѣ лично онъ не позволялъ никакой траты кромѣ необходимаго, но зная самъ нужду, никогда не могъ отказать тому, кто нуждался и послѣ его смерти остались за крестьянами небольшіе долги, которые моя мать не получила. Конечно, эта сумма была ничтожна, такъ какъ при ограниченныхъ средствахъ семьи многаго давать не приходилось.

Я родилась въ 1841-мъ году 23 января, сестра Настя родилась въ 1844 году 15 іюня, была у насъ еще маленькая сестра Саша, которая умерла отъ холеры 1848 году.—Съ этого года начинаются мои воспоминанія, вполнѣ ясныя и сознательныя. Помню, что въ этотъ годъ въ началѣ іюня, мы поѣхали погостить всей семьей въ Гремячево къ нашей крестной матери Аннѣ Васильевнѣ Звягиной,—поѣздка къ крестной матери была для насъ съ сестрой всегда большой радостью. Наша крестная была урожденная Селиванова. Имѣніе Гремячево было очень

красиво, окружено красивыми рощами. Кругомъ усадьбы было множество ключей, изъ которыхъ образовались цѣлыя озера прозрачной чудной воды, въ этихъ сажалкахъ, какъ ихъ называли, водились въ большомъ изобиліи налимы громадной величины, на горѣ за ключами былъ лѣсъ Валдай, очень красивый. Вся низина была покрыта незабудками, а въ лѣсу была масса ландышей, а въ августѣ тамъ въ изобиліи росли бѣлые грибы, изъ которыхъ въ Гремячевѣ дѣлали множество разныхъ запасовъ на зиму. Помню, что и намъ въ Карцево присылали огромныя банки маринованныхъ бѣлыхъ грибовъ, которые приготовлять моя крестная была большая мастерица. Семья моей крестной состояла изъ ея мужа Николая Ипполитовича, очень суроваго старика, съ большими сѣдыми усами; говорилъ онъ очень мало, видали мы его только за обѣдомъ, ужиномъ и чаемъ.—Мы, дѣти, его боялись. Моя же милая, дорогая крестная была вся любовь, свѣтъ и радость, она готова была все сдѣлать, чтобы порадовать насъ, дѣтей. Она много дѣлала добра, но мужъ ея, имѣя большія средства, былъ очень скупъ и давалъ ей на расходъ немного и она на себя тратила очень мало, ничего не носила кромѣ ситцевыхъ платьевъ, имѣя одно шелковое нарядное для торжественныхъ выѣздовъ. Я это одно ея платье и помню, оно много и много разъ перешивалось, но новаго никогда не дѣлалось. Крестная мать обладала очень значительными медицинскими познаніями, которыя получила отъ своего отца и нашего крестнаго Василія Павловича Селиванова, всегда жившаго въ своемъ родномъ имѣніи Любавѣ. Крестная мать лѣчила весь околодокъ, никому не отказывала въ своей помощи, часто на простой крестьянской телѣгѣ ѣздила за десятки верстъ къ больнымъ. У нея въ домѣ была своя аптека, которой могли позавидовать аптеки маленькихъ провинціальныхъ городовъ. У Звягиныхъ былъ сынъ Коля, нашъ сверстникъ по годамъ, котораго я до конца его жизни любила, какъ родного брата. Еще у нихъ въ домѣ на правахъ дочери, жила воспитанница, родственница Николая Ипполитовича, Алефтина Васильевна Исакова.—Ближайшимъ ихъ сосѣдомъ былъ Д. В. Григоровичъ, который въ своихъ сочиненіяхъ часто описывалъ эту мѣстность съ рѣчкой „Смедвой“, протекавшей въ Гремячевѣ, а также и въ имѣніи Григоровича. Мать его француженка Сидонія Петровна, была очень дружна съ Звягиными и часто у нихъ бывала. Д. В. Григоровичъ часто проводилъ лѣто въ деревнѣ у матери и у него въ деревнѣ былъ маленькій романъ съ воспитанницей Звягиныхъ Алефтиной Васильевной Исаковой; этотъ эпизодъ былъ полонъ деревенской идиліи, о которомъ Алефтина Васильевна сохранила на всю жизнь самыя свѣтлыя воспоминанія. Много лѣтъ спустя она вышла замужъ за Бьернклюндъ, студента шведа, и до конца своей жизни была нашей

сосѣдкой. Жила въ своемъ имѣніи Строиловѣ въ одной верстѣ отъ Карцева. Я съ ней была очень дружна, не смотря на очень большую разницу лѣтъ,—она была много старше меня.—Увлекшись воспоминаніями о Гремячевѣ и его обитателяхъ, я сдѣлала большое отступленіе отъ воспоминаній моего дѣтства, съ того года, который первый остался сознательно въ моей памяти. Итакъ, въ 1848 году мы всѣ, т. е. отецъ, мать и мы съ сестрой Настей (она была на три года моложе меня), въ первыхъ числахъ іюня пріѣхали въ Гремячево, погостить. Помню чудную погоду, садъ передъ домомъ, полный розъ и жасмина, прогулки въ Валдай цѣлой компаніей, ловлю налимовъ въ сажалкѣ; намъ дѣтямъ было очень весело. Но помню, большіе, когда мы съ ними были вмѣстѣ за обѣдомъ или ужиномъ, все говорили о какой-то страшной болѣзни, которая надвинулась на наши мѣста; всѣ ею были очень заняты и очень встревожены. И вотъ, въ одинъ день, когда всѣ спокойно сидѣли на крыльцѣ, подъѣзжаетъ запыленный и на замученной лошади нашъ Карцевскій прикащикъ Ѳеодоръ Ильичъ, братъ нашей няни, съ извѣстіемъ, что наша маленькая сестра Саша (родившаяся въ 46-мъ году) при смерти больна, и что у нашей сосѣдки, бѣдной дворянки Екатерины Осиповны Масловой умерло двое дворовыхъ людей въ одни сутки, такой же болѣзнію заболѣла и наша маленькая сестра. Мы сейчасъ собрались и уѣхали домой въ Карцево, въ страшной тревогѣ, съ матерью былъ истерическій припадокъ, ее едва усадили въ коляску. Разстояніе отъ Гремячева до Карцева было больше 40 верстъ. Мы всегда ѣздили на Зарайскъ, гдѣ кормили лошадей, помню пріѣхали домой вечеромъ, часовъ въ девять. Сестра Саша уже умерла и лежала въ залѣ, хорошенькая, бѣленькая какъ восковая кукла, въ своемъ нарядномъ платьицѣ; насъ скоро спровадили на верхъ въ наши комнаты. Больныхъ въ нашей дворнѣ оказалось уже много. Отецъ мой распорядился приготовить для больныхъ баню въ саду. Баня эта была большая, чистая, просторная, и мой отецъ съ помощью Ѳеодора Ильича все время ходилъ за больными. Докторовъ тогда кромѣ Зарайска не было, и тамъ кажется былъ только одинъ докторъ. Въ 10-ти верстахъ отъ насъ былъ вольно-практикующій докторъ, помѣщикъ Милогрядовъ, товарищъ моего отца. Онъ былъ военнымъ врачемъ, и такъ же, какъ и мой отецъ женился на барышнѣ помѣщицѣ и жилъ въ своемъ имѣніи „Плешни", но у этого доктора въ имѣніи тоже была холера и была масса своихъ больныхъ. Къ намъ, я помню, часто пріѣзжалъ въ это время Василій Васильевичъ Селивановъ изъ Любавы, и онъ совѣтовалъ отцу, какъ лѣчить болѣзнь. Помню была въ ходу мята во всѣхъ видахъ. Всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, дѣтей, поили краснымъ церковнымъ виномъ, которое намъ очень нравилось. Больнымъ въ банѣ

во время судорогъ дѣлали горячія ванны подъ наблюденіемъ моего отца и кажется поили парнымъ молокомъ. Трое дворовыхъ умерли, но большая часть выздоровѣла, крестьянъ умерло, кажется, больше. Эпидемія продолжалась недѣли три.—8-го іюля съ праздника Казанской Божіей Матери, Чудотворная икона которой и до сихъ поръ хранится у насъ въ Карцевѣ, послѣ молебствія у насъ въ домѣ, никто холерой не заболѣвалъ и эпидемія окончилась.

Наша жизнь въ деревнѣ.

Нашъ старый домъ, въ которомъ я родилась, выросла и вышла замужъ, былъ выстроенъ моимъ дѣдомъ Павломъ Петровичемъ Селивановымъ. Незадолго до 12-го года, въ немъ отпраздновано было новоселье. Дѣдъ мой былъ большой эстетикъ, но средства у него были маленькія, и постройкой дома онъ ихъ еще больше разстроилъ. Домъ выстроенъ былъ такъ: средина дома была очень высока, въ ней помѣщалась большая зала съ балкономъ терассой, по бокамъ стеклянныя балконныя двери, съ каждой стороны было по два большихъ окна, съ боковъ залы были двѣ двери, одна вела въ прихожую или какъ тогда называли „лакейскую“. На противуположной сторонѣ была также дверь въ „дѣвичью“, но она всегда была наглухо затворена и заставлена столомъ. Въ этомъ же направленіи сбоку были еще двѣ маленькія двери, одна вела въ коридоръ и спальню матери, а другая въ столовую. Противъ балконной двери были большія створчатыя двери въ гостинную, въ которой тоже былъ балконъ въ садъ; по бокамъ балкона были огромныя „италіанскія“ окна, такъ, что почти вся наружная стѣна была стеклянная. Столовая и спальня были гораздо ниже среднихъ комнатъ; а также „лакейская“ и „дѣвичья“ тоже были ниже залы и гостинной, надъ этими комнатами съ каждой стороны было два верха или, какъ ихъ называли, „антресоли“. Эти верхнія комнатки съ южной стороны дома были прехорошенькія. Одинъ верхъ надъ спальней и дѣвичьей, состоящій изъ трехъ комнатъ,—среднюю называли прихожей, въ ней была лѣстница на чердакъ, лѣстница внизъ, окна въ садъ и большой деревянный ларь называемый „коникъ“, это была комната нашей няни. Вторую комнатку хорошенькую, уютную съ крошечнымъ балкономъ на дворъ, занимала наша тетя Александра Павловна, съ ней вмѣстѣ спала и я, въ этой комнаткѣ было всегда зимой очень тепло, была лежанка изъ пестрыхъ изразцовъ. Надъ моей кроваткой полочка съ образами и всегда горящей лампадой. Образа всѣ были очень старинные. Рядомъ съ лежанкой былъ мой шкапчикъ съ моими

любимыми вещами: куклами, книгами, картинками и коробочками, которыми я очень дорожила и любила. Съ другой стороны проходной комнаты, была такая же комнатка, въ которой спала сестра Настя. Сначала съ ней помѣщалась дочь моей няни, а потомъ наша гувернантка, въ этой комнатѣ было окно въ садъ и передъ нимъ столъ, на которомъ мы занимались, когда начали учиться. Эта комнатка также была очень удобна и уютна.—Съ другой стороны дома надъ столовой и прихожей былъ второй верхъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, одна тоже съ балкончикомъ на дворъ. Въ этой комнатѣ въ стѣнѣ, ведущей въ другую комнату, были сдѣланы шкапы полные книгъ, эта комната и вообще этотъ верхъ во времена моего дѣтства назывался „кабинетомъ"; какъ говорили, это были комнаты моего дѣда, гдѣ онъ занимался, читалъ и работалъ.—Потомъ эти комнаты мать немного передѣлала и по выходѣ моемъ замужъ ихъ отдала намъ и у насъ съ мужемъ было очень хорошенькое помѣщеніе. Внизу кромѣ залы и гостинной были: столовая и диванная, съ другой стороны: спальня и образная. Изъ прихожей былъ ходъ на одинъ верхъ, а изъ дѣвичьей на другой. Съ каждой стороны балконовъ были на дворѣ два огромныя крыльца. Домъ нашъ стоялъ съ одной стороны окруженный дворомъ-лугомъ; съ одной стороны этого луга была наша кухня, а съ другой стороны надворныя постройки: конюшня, каретный сарай, ледникъ и погребъ. Другая сторона дома выходила въ садъ. Балконъ изъ гостинной велъ въ цвѣтникъ, окруженный сиренью, по бокамъ кусты жасмина, въ клумбахъ піоны, желтыя лиліи, прямо изъ цвѣтника шла дорожка внизъ подъ гору. Садъ оканчивался сиреневой бесѣдкой съ дерновыми скамьями, гдѣ лѣтомъ варили варенье, дорожка внизъ съ обѣихъ сторонъ была обсажена розовыми и бѣлыми розами. Внизу сада протекала рѣчка и за рѣчкой въ горѣ былъ родникъ съ прекрасной водой, другой воды у насъ въ домѣ не употребляли, несмотря на то, что около самого дома былъ колодезь, но эту воду почему-то считали невкусною, хотя впослѣдствіи мы ею пользовались постоянно и ничего плохого въ ней не находили. Съ лѣвой стороны дома весь заборъ окруженъ былъ бѣлой сиренью, рядомъ начинался малинникъ бѣлой и красной малины, книзу шли яблони, груши съ обѣихъ сторонъ балкона. Посрединѣ сада справа отъ балкона шла длинная грядка цвѣтовъ, по сторонамъ которой шли вычищенныя и усыпанныя пескомъ дорожки, по бокамъ дорожекъ посажены были цѣлыя грядки сплошныхъ кустовъ, чудныхъ сентифольныхъ розовыхъ розъ, черезъ кустъ съ бѣлыми. Розъ у насъ въ саду было такое множество, что изъ ихъ лепестковъ у насъ гнали розовую воду, для этого былъ особенно устроенный „кубикъ" какъ его называли. Кромѣ розовой воды у насъ приготовляли еще воду мятную

и калуферную; этихъ растеній у насъ въ саду было множество. За грядками розъ шла съ одной стороны дорожка вишенъ, а съ другой дорожка сливъ. Въ концѣ сада съ этой стороны была прехорошенькая бесѣдка изъ хмѣля, который вился по кольямъ кругомъ, а наверху изъ длинныхъ согнутыхъ обручей былъ сдѣланъ сводъ, все это лѣтомъ густо обростало хмѣлемъ. Внутри этой бесѣдки стояли кругомъ деревянныя лавочки, а въ серединѣ стоялъ столъ. Противъ входа въ бесѣдку росъ большой кустъ бѣлой сирени. Въ этой бесѣдкѣ никогда не было солнца. Мы въ ней въ жаркую погоду проводили иногда цѣлые дни. Направо отъ балкона у насъ были парники, гдѣ выращивались очень рано огурцы, а лѣтомъ было много арбузовъ, дынь и громадныя тыквы. За парниками шелъ огромный валъ со спаржею, которую я, помню, очень любила выбирать вмѣстѣ съ садовникомъ старикомъ Виссаріономъ, съ которымъ я жила въ большой дружбѣ и во всѣхъ его работахъ принимала большое участіе. Дальше въ саду было много дорожекъ съ черной, красной, розовой или, какъ ее называли, „абри-косовой" смородиной, было много сортовъ крыжовника. Яблоковъ у насъ было много, преобладающими сортами были скороспѣлыя наливныя и „горская зеленка", которая тогда очень цѣнилась для пастилы, заводъ которой былъ въ Коломнѣ, и зеленку продавали по дорогой цѣнѣ. Кромѣ этихъ сортовъ была титовка, боровинка, бѣль, анисъ зеленый и красный. Груша была въ саду одна; на ней были прекрасные желтые, на длинныхъ тонкихъ стебляхъ, довольно крупные, сочные плоды, ихъ любила очень наша мать и ихъ всѣ берегли для нея; но благодаря моей дружбѣ съ Виссаріономъ, я всегда имѣла ихъ большой запасъ, которымъ угощала сестру, няню, гувернантку и всѣхъ горничныхъ. Въ саду еще была большая акацієвая бесѣдка, отъ нея недалеко былъ небольшой пчельникъ.—Внизу сада съ лѣвой стороны у рѣчки была баня.—Противъ дома за дворомъ-лугомъ была проѣзжая дорога; за ней скотный дворъ съ избой для дворни, со множествомъ катуховъ, для свиней, гусей, утокъ, куръ и индѣекъ.—Все это водилось у насъ въ изобиліи. Коровъ въ коровникѣ было немного, такъ какъ главный скотный дворъ былъ у насъ въ другомъ имѣніи моей матери, въ Борисловѣ.—За скотнымъ дворомъ шли огороды, березовая роща и около нея гумно съ ригой и сараемъ, для сѣна. Мѣстность около нашей усадьбы очень красивая, разнообразная, гористая. Желая возстановить полную обстановку нашего дѣтства, я должна сказать кое-что о нашей дворнѣ, которая имѣла на наше воспитаніе большое вліяніе и сблизила насъ и сроднила со всѣмъ деревенскимъ людомъ.—Ближе всѣхъ стояли къ намъ наша няня Елизавета Ильинична. Прежде она была горничной нашей матери, ея ровесница, вышла замужъ немного

раньше матери за нашего лакея-башмачника, страстнаго охотника и горькаго пьяницу Ардаліона Семеновича. Няня мужа своего, какъ я теперь понимаю, никогда не любила и даже презирала его. У нихъ только одна дочь Алефтина, лѣтъ на семь старше меня, она всегда была съ нами, мы ее очень любили, выучили ее читать, она была была очень красива, и имѣла видъ настоящей барышни. Ей впослѣдствіи дали „вольную" за услуги няни и выдали замужъ въ Зарайскъ за мѣщанина, наградивши порядочнымъ приданымъ и съ помощью нашей крестной выстроили ей очень маленькій домъ въ Зарайскѣ, гдѣ она живетъ и до сихъ поръ, но конечно уже не въ томъ домѣ, который ей былъ сдѣланъ моими родными. Что за милая была наша няня! Умная, всегда серьезная, очень богомольная;—часто просыпаясь въ дѣтствѣ ночью, я видѣла какъ няня молилась Богу около двери нашей спальни, откуда ей была видна лампадка. А какія хорошія сказки умѣла она намъ разсказывать во время нашихъ дальнихъ прогулокъ. Насъ она очень любила и особенно баловала сестру Настю. Та была всегда лѣнивая, на ходьбѣ часто уставала и няня ее уже большую толстую дѣвочку брала на руки сама, или заставляла свою дочь, Алефтину, нести Настю. Помню, бывало, усядемся мы около нее гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса съ корзинами, перебираемъ грибы, ягоды, цвѣты и няня разсказываетъ намъ сказки.—Мнѣ нравилось отдыхать такимъ образомъ, я съ раннихъ лѣтъ умѣла по своему любить природу во всѣхъ ея фазахъ, и сказки няни полныя разныхъ фантастическихъ образовъ имѣли для меня особенный поэтическій смыслъ при таинственной обстановкѣ лѣса. Кромѣ няни у насъ еще были три ея золовки—сестры ея мужа, старыя дѣвы: Аксинья, Александра или „тетя Соня", какъ мы ее называли и Вѣрушка, самая младшая, но она была уже лѣтъ сорока, когда я стала ее помнить. Эти три сестры жили въ домѣ горничными. Аксинья старшая, была въ родѣ экономки, помогала тетѣ Александрѣ Павловнѣ варить варенье и дѣлать разныя зимніе запасы, она же была и ея горничной. Тетя Соня—пекла чудныя булки, пироги, куличи и т. п. Кромѣ того, такъ какъ мой отецъ былъ церковный староста, то у насъ въ домѣ тетя Соня пекла просфоры. Меньшая, Вѣра, была горничной мой матери и вмѣстѣ съ тѣмъ домашней портнихой, шила намъ всѣмъ платья и бѣлье, въ шитьѣ послѣдняго ей помогали и другія молодыя горничныя. Была еще столовая горничная, Павла, ребенкомъ была любимицей моей бабки; ее выдали за столяра нашего же замужъ, мужъ ея ходилъ „по оброку" и она жила всегда у насъ въ домѣ, дѣтей у нея не было, на ея рукахъ было столовое и гостинное бѣлье, она же обязана была смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ домѣ. Были еще у насъ и молодыя горничныя: Антонина—дочь садовника, Висса-

ріона; мать ея, сестра нашихъ трехъ старыхъ горничныхъ, Надежда умерла холерой, дочь няни, Алефтина, тоже была всегда занята вмѣстѣ съ няней нами, дѣтьми, убирала наши комнаты, чинила наше бѣлье. Кромѣ всѣхъ домашнихъ обязанностей зимой всѣ занимались пряжей льна на самопрялкахъ, а весной съ великаго поста или съ марта начинали вышивать что то въ пяльцахъ гладью или плести кружева на круглыхъ подушкахъ со множествомъ коклюшекъ. Эта работа была очень трудная и у насъ ее дѣлали превосходно. Аксиньюшка наша была настоящая артистка по этой части, даже составляла сама узоры для тонкихъ широкихъ кружевъ и перелинокъ. Кромѣ горничныхъ въ домѣ было два лакея, какъ я уже сказывала, раньше мужъ няни охотникъ и башмачникъ Ардаліонъ и братъ няни Ѳедоръ Ильичъ, холостой, замѣчательной честности человѣкъ, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ моихъ родныхъ, былъ чѣмъ-то вродѣ приказчика. Лѣтомъ наблюдалъ за полевыми работами въ другихъ имѣніяхъ, гдѣ не могъ быть самъ отецъ, а зимой ѣздилъ съ обозами хлѣба въ Коломну, гдѣ былъ тогда единственный хлѣбный рынокъ въ нашей сторонѣ. Кромѣ этихъ лицъ, въ домѣ впослѣдствіи, когда мы стали подростать, былъ молодой портной, учившійся въ Москвѣ—Леонидъ, то же сынъ Виссаріона, и двѣ дѣвочки Анюта и Груша, дочь моей кормилицы, Василисы. Ихъ воспитывали и пріучали къ разнымъ работамъ, готовили въ горничныя для насъ съ сестрой, но имъ крѣпостными горничными не пришлось долго быть, едва они успѣли выросги, какъ крѣпостное право кончилось. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, жившихъ въ домѣ, было много дворовыхъ, жившихъ въ скотной избѣ цѣлыми семьями. Многіе изъ дѣтей дворовыхъ были наши сверстники, мы съ ними часто вмѣстѣ играли, купались, подъ надзоромъ няни. Къ намъ часто присоединялись и прочія дѣти, изъ тѣхъ дворовыхъ, которыя до уничтоженія крѣпостного права жили въ Карцовѣ; послѣ ихъ переселили въ Подосинки. Играли мы съ дворовыми и крестьянскими дѣтьми подъ покровительствомъ нашей няни, и, кажется, наши родители этого не знали, такъ какъ няня часто, возвращаясь домой, говорила намъ такъ: „дома то при мамашѣ не очень много разговаривайте какъ играли съ ребятами, а то она этого не любитъ“. Это было достаточно, чтобы мы никогда ничего о нашихъ играхъ дома при матери не говорили, а тетѣ бывало не утерпимъ и какой нибудь интересный эпизодъ и разскажемъ, она бывало засмѣется, погрозитъ пальчикомъ и скажетъ: „знаю у васъ няня баловница, смотрите, узнаетъ мамаша, это ей будетъ непріятно“. И вотъ, среди этихъ то лицъ и среди нашей мирной деревенской жизни, прошло наше дѣтство. Славное, милое, хорошее дѣтство. У насъ еще былъ поваръ Тихонъ, онъ же и кучеръ, который

любилъ насъ дѣтей. Придетъ бывало утромъ къ матери, спрашивать, что готовить и всегда пошутитъ и поболтаетъ съ нами, и часто, когда наканунѣ какого нибудь праздника, или именинъ кого либо изъ семьи, онъ заранѣе готовилъ какое нибудь сухое пирожное, на что онъ былъ великій мастеръ, всегда принесетъ намъ на тарелочкѣ по нѣскольку штучекъ печенья. Особенно бывали вкусны у него „яблочные зефиры", какъ онъ ихъ называлъ, и эту тарелочку потихоньку передавалъ для насъ нянѣ, чтобы не знала о его баловствѣ мать наша. Садовникъ Виссаріонъ, о которомъ я говорила уже раньше, тоже жилъ всегда у насъ во дворѣ, зимой топилъ печи въ домѣ, кололъ дрова. Онъ былъ грамотный, и по своему большой философъ, очень любилъ читать псалтырь, и „Потерянный рай" Мильтона. Эту книгу тоже считалъ священной и благодаря чтенію подобныхъ книгъ у него составились свои понятія о вѣрѣ и несмотря на строгое исполненіе всѣхъ православныхъ обрядовъ онъ былъ своеобразный сектантъ. Помню его религіозные споры со мной, когда я стала постарше, и съ нашимъ старикомъ священникомъ о. Петромъ. Природу и свое дѣло онъ любилъ страстно; кромѣ сада, парниковъ, огородовъ, у него съ отцомъ моимъ былъ маленькій пчельникъ въ саду, доходъ съ котораго при крѣпостномъ еще правѣ отецъ мой всегда дѣлилъ съ Виссаріономъ пополамъ. Деньги свои онъ никому не показывалъ и никому изъ своихъ дѣтей не давалъ, а дѣтей у него было много: двѣ дочери были замужемъ одна въ Борисловѣ, другая въ Подосинкахъ, а меньшая Антонина была горничной у насъ въ домѣ; было еще у него два сына: Вячеславъ кузнецъ и Леонидъ портной. Свои деньги Виссаріонъ всегда прибиралъ гдѣ нибудь въ саду, или на пчельникѣ подъ камнями или въ стѣнѣ кухни, которая одной задней стѣной выходила въ садъ. Дочь его Антонина иногда вынимала эти деньги и передавала своимъ теткамъ, которыя не имѣя личной семейной жизни, обреченныя на вѣчное дѣвство, страстно были привязаны къ своимъ племянникамъ-сиротамъ и онѣ на деньги, похищенныя у Виссаріона, справляли нужды его дочерей. О пропажѣ денегъ Виссаріонъ никому никогда не говорилъ; но ходилъ нѣсколько дней сердитый и мрачный.—Но больше всѣхъ изъ нашихъ крѣпостныхъ слугъ я любила мою милую кормилицу Василису, къ ней я питала такую любовь, какую только можетъ питать ребенокъ къ горячо любимой матери. Говорятъ, когда ее изъ Карцева переселили въ Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство и ей поручили вести все молочное хозяйство, я заболѣла съ горя; но я уже помню, когда я была сравнительно уже большая дѣвочка, каждый разъ когда она приходила въ Карцево это былъ для меня день великой радости, разлука большимъ

горемъ. Впослѣдствіи когда я вдовой опять поселилась въ Карцевѣ, моя милая кормилица опять пришла ко мнѣ, и жила со мной до конца своей жизни. Всѣ эти милые мнѣ люди имѣли огромное вліяніе на складъ моего міросозерцанія и весь мой характеръ. Благодаря имъ я полюбила всей душой нашъ простой деревенскій людъ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Я, благодаря имъ, сроднилась съ нашимъ народомъ, и до сихъ поръ онъ для меня свой родной. И жизнь среди нихъ для меня навсегда осталась самой пріятной. Наше милое тихое дѣтство прошло среди простой, патріархальной деревенской жизни.— Наша семья была очень религіозна, исполняла всѣ посты и обряды православной церкви. Въ домѣ было много старинныхъ иконъ, изъ которыхъ одна была особенно чтима нашей семьей и всѣмъ окружающимъ насъ деревенскимъ людомъ. Икона эта была „Казанская Божія Матерь". О ней сохранилось слѣдующее преданіе въ нашей семьѣ. Одинъ изъ предковъ нашихъ, Левъ Юрьевичъ Селивановъ, былъ любимцемъ Императора Петра Великаго и всегда находился при немъ въ званіи „деньщика."—Разъ когда Императора Петра не было въ Петербургѣ, онъ былъ гдѣ-то съ своимъ войскомъ,—на Льва Юрьевича былъ написанъ ложный доносъ, въ измѣнѣ Государю. Льва Юрьевича Селиванова заключили въ темницу. Онъ ожидалъ пытки и, сознавая себя невиннымъ, горячо молился о своемъ спасеніи.—Помолившись заснулъ и услыхалъ, что во снѣ кто-то говоритъ ему: „встань скорѣе! у тебя подъ лавкой образъ Божіей Матери, возьми его и молись ему, и ты будешь оправданъ. И дѣйствительно подъ лавкой, на которой онъ спалъ, лежалъ образъ Казанской Божіей Матери. Сонъ былъ настолько ясенъ, и живъ, что онъ, проснувшись, исполнилъ то, что ему было сказано во снѣ. Вскорѣ послѣ этого доносчикъ сознался въ своей клеветѣ, и Левъ Юрьевичъ пользовался еще большимъ расположеніемъ Императора Петра, чѣмъ раньше. Петръ великій часто, какъ говорятъ, заходилъ къ своему деньщику Льву Юрьевичу Селиванову и угощался у него „анисовкой". Серебрянная чарка, изъ которой пилъ Императоръ, сохранилась у насъ въ домѣ, и я, уже бывши много лѣтъ замужемъ, передала эту чарочку археологу Алексѣю Васильевичу Селиванову. Икона и въ настоящее время находится у меня въ Карцовѣ, и передъ ней всегда, когда я живу дома, горитъ неугасимая лампада. По завѣщанію нашихъ родителей, эта икона должна всегда оставаться въ карцевскомъ домѣ. Въ случаѣ же прекращенія нашего рода или продажи Карцева, эта икона должна перейти въ родъ Селивановыхъ или передана въ церковь погоста Василія Великаго, нашего прихода, гдѣ похоронены всѣ наши предки.—Каждый годъ наканунѣ праздниковъ Казанской Божіей Матери у насъ совершалась всенощная, послѣ

нея былъ молебенъ съ акаѳистомъ.—Кромѣ Казанской у насъ въ домѣ всегда было водосвятіе 1-го числа каждаго мѣсяца, и всенощная наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ, всѣхъ именинъ и рожденій отца, матери и тетки.—Много лѣтъ нашего дѣтства проходили однимъ образомъ. Помню, начало зимы послѣ грязной осени всегда меня очень радовало. Проснешься бывало утромъ и видишь все такъ свѣтло хорошо, чисто кругомъ, мягкій, крупными хлопьями падаетъ снѣгъ, не дождешься бывало, когда всѣ встанутъ и насъ позовутъ пить чай и завтракать. Наскоро бывало выпьешь чашку жиденькаго чаю съ молокомъ и прѣсными пышками изъ домашней пшеничной муки. Ѣдой насъ не очень баловали, „большіе" пили чай съ сдобными булочками и куличами, а намъ всегда давали ржаныя или пшеничныя пышки, замѣшанныя на истопинахъ послѣ масла и, вотъ послѣ такого завтрака, попросишься погулять. Надѣнутъ на насъ валенки, теплые мѣховые полушубки. Съ какою бывало радостью выбѣжишь на дворъ и въ садъ. Все покрыто бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Какъ вездѣ хорошо. Къ намъ бывало примкнутъ наши товарищи-ребятишки, дѣти нашихъ дворовыхъ и крестьянъ. Начнемъ катать шары изъ мягкаго пушистаго снѣга. Наконецъ, няня управившись съ домашними дѣлами, идетъ за нами, зоветъ насъ домой, идти намъ не хочется, но няня пристаетъ неотступно и начинаетъ пускать въ ходъ страшную фразу „пойду скажу мамашѣ, что вы не слушаетесь";—послѣ этого мы сейчасъ-же бѣжимъ домой и идемъ учиться. Съ 8-ми лѣтняго моего возраста я помню у насъ жила учительница русскаго языка Ольга Сергѣевна Ткачева, высокая, сухая, старая дѣва, умная, суровая, страшная педантка во всемъ. Кромѣ того, что она учила насъ, она занималась съ молодыми горничными рукодѣльемъ. Она кончила курсъ въ Домѣ Трудолюбія въ Рязани, хорошо знала свое дѣло и учила толково. Несмотря на строгость, заниматься съ ней было хорошо. Она жила у насъ года три, но затѣмъ получила мѣсто въ Рязани въ Домѣ Трудолюбія, прожила тамъ пока я вышла изъ пансіона, а послѣ опять поселилась у насъ и прожила съ нами опять года два. Когда мнѣ было 11-ть лѣтъ къ намъ пріѣхала новая гувернантка, знающая французскій и нѣмецкій языки и немного музыку Пелагея Алексѣевна Сырейщикова. Она была совсѣмъ молоденькая дѣвочка, воспитывалась въ богатой купеческой семьѣ. Мы съ ней, дѣти, сейчасъ же подружились, особенно я.—Она прожила у насъ до конца своей жизни. Уѣзжала иногда не надолго на мѣсто къ нашимъ же сосѣдямъ и, оставляя мѣсто, всегда возвращалась въ нашъ домъ, а потомъ, когда здоровье ее стало плохо и я была уже замужемъ, она совсѣмъ переселилась къ намъ, и умерла чахоткой на нашихъ рукахъ.—Учительница она была плохая, но какъ человѣкъ

премилая, добрая, веселая, и я до сихъ поръ вспоминаю ее съ любовью.—И вотъ мы нагулявшись садились учиться. Учились до обѣда. Обѣдъ у насъ всегда былъ въ часъ дня. Блюда были обильныя, сытныя. Первымъ блюдомъ всегда было что нибудь мясное, называлось, почему то, холодное, и когда это блюдо приносили изъ кухни приходили докладывать „кушанье подано". Всѣ молились Богу и садились за столъ.— Когда гостей не было, блюда съ кушаньемъ ставились на столъ около тети, и она раскладывала всѣмъ на тарелки, которыя ей подавала прислуга, потомъ, принимая отъ нея, ставила всѣмъ по указанію тети, которая умѣла всѣмъ угодить и положить каждому то, что кому нравилось. Первымъ блюдомъ всегда былъ или студень, или солонина съ картофельнымъ пюре, или горячая вареная ветчина, а съ ней вмѣстѣ всегда подавали яйца въ смятку. Вторымъ блюдомъ были горячіе щи, или борщъ, или супъ; потомъ жареное—смотря по сезону, буженина изъ свинины, утки, гуси, индѣйка, баранина и телятина. На третье всегда было, что нибудь очень вкусное, или такъ казалось намъ дѣтямъ: бывали разныхъ сортовъ блинчики, вафли, оладьи, разныя каши; изъ чего только не дѣлались эти каши: были каши изъ крупы зеленой ржи, эту крупу очень вкусную и душистую умѣла готовить только одна моя кормилица; для этой крупы жали рожь какъ только она начинала наливать до половины зерна.—Потомъ были каши изъ ячменя, полбы, изъ цвѣтовъ розъ; эта каша приготовлялась такимъ образомъ—брали свѣжіе лепестки отъ розъ, мѣсили тѣсто изъ яицъ и картофельной муки и въ это тѣсто клали лепестки отъ розъ, все вмѣстѣ мѣсили и протирали черезъ рѣшето; сушили на солнцѣ. Варили эту кашу на молокѣ, она имѣла видъ каши изъ саго, была вкусная, душистая. Насъ дѣтей заставляли всегда ѣсть горячее какое бы оно не было, съ нашими вкусами не справлялись: я въ дѣтствѣ не любила свеклу, но мнѣ наливали борщъ и я, хотя и съ отвращеніемъ, должна была съѣдать его хоть немного. Мяса намъ давали мало. Жаренаго мы получали всегда очень маленькіе кусочки, но третьяго блюда, каши, оладей, вафель, намъ давали, сколько мы хотѣли. Мать моя по совѣту врачей того времени тоже ѣла мало мяса; а жаркого совсѣмъ не ѣла. Ни свинины, ни гусей тоже не любила и для нее почти всегда были приготовлены отдѣльныя кушанья изъ „бѣлаго мяса"; любимымъ ея блюдомъ была индѣйка, которыхъ у насъ всегда бывало много.—Послѣ обѣда мы опять шли на воздухъ; сани уже были собраны и мы съ наслажденіемъ усаживались въ дровни, въ которыхъ былъ плетеный постельникъ и катались по усадьбѣ, помогали возить солому и кормъ на скотный дворъ; а иногда намъ позволяли покататься по шоссе на погостъ, въ Строилово и Индриково. Въ четыре часа возвращались домой,

и когда стали постарше то садились заниматься опять до половины шестого, а иногда и до шести. Большіе всѣ всегда спали послѣ обѣда часовъ до 5-ти. Къ 6-ти часамъ подавали чай, и мы всѣ собирались въ столовую. Послѣ чая всѣ усаживались тутъ же въ столовой, около круглаго большого стола, на которомъ стояли двѣ сальныя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ и лоточекъ съ щипцами, очень оригинальной формы, которыми снимали нагаръ со свѣчей.—Мать всегда зимніе вечера читала вслухъ, помню читались: „Отечественная война 1812 года“ Данилевскаго, потомъ романы Евг. Сю. „Вѣчный Жидъ“, „Гордость“, а также романы Диккенса изъ которыхъ у меня больше всего остался въ памяти „Домби и сынъ“.—Многія и даже большинство изъ этихъ книгъ для насъ дѣтей не были интересны, а сидѣть молча, когда ихъ читали, было очень скучно, но на это мало обращали вниманія. Мы бывало работаемъ что нибудь на рукахъ, или вышиваемъ какія нибудь совершенно безполезныя вещи по канвѣ, или папье-поле.—Столъ, за которымъ мы сидѣли, всегда былъ уставленъ разными домашними лакомствами, пастилой, яблоками, сливами, орѣхами въ меду, намъ всего этого давалось очень немного, находя, что сладкое вредно дѣтямъ. Меня очень часто посылали съ разными приказаніями, зачѣмъ нибудь въ дѣвичью; нужно было пройти весь домъ изъ конца въ конецъ, что-бы попасть туда. Наша огромная зала никогда почти въ эти семейные вечера не освѣщалась, но ея расположеніе я отлично помнила и въ потьмахъ всегда пробѣгала ее почему то зажмуря глаза, и только въ корридорѣ открывала ихъ. Онъ слабо освѣщался лампадкой изъ образной около спальни. Я любила иногда изъ корридора завернуть туда въ образную. Свѣтъ лампадки тамъ хорошо освѣщалъ иконы и всю маленькую комнатку съ лежанкой съ одной стороны, а съ другой съ большимъ шкафомъ съ разными старинными рѣдкостями и домашними лѣкарствами; бывало, зайдешь туда и помолишься немного; напротивъ образной была дверь въ дѣвичью—цѣль моего путешествія по дому. Тамъ шелъ говоръ, иногда смѣхъ и пѣніе, всѣ зимними вечерами сидѣли за пряжей льна на самопрялкахъ и какъ мнѣ казалось весело, хорошо у нихъ, а они всегда бывали рады нашему приходу. Передашь приказаніе, за которымъ шла, поболтаешь и опять спѣшишь въ столовую. Если долго проходишь—побранятъ, что не скоро вернулась. И такъ, бывало, всѣ сидимъ до 9-ти часовъ вечера. Въ девять приходитъ кто-либо изъ прислуги и объявляетъ „кушать подано“; всѣ идутъ въ залу и садятся за столъ тоже освѣщенный двумя сальными свѣчами. Меню ужина бывало всегда тоже, что и обѣдъ безъ всякаго измѣненія.—Послѣ ужина мы цѣлуемъ руки у отца и матери, обнимаемъ тетку. Насъ крестятъ и мы идемъ спать.—Большіе, иногда,

если было интересное чтеніе, еще посидятъ съ часъ, разложатъ еще интересный пасьянсъ, который вечеромъ не сошелся. Наши гувернантки остаются тоже съ большими внизу.—Мы-же съ радостью бѣжимъ на нашъ милый верхъ, поиграемъ въ куклы, разберемъ свои шкафчики и, наконецъ, приходитъ тетя, Пелагея Алексѣевна и насъ укладываетъ спать.

Иногда эти вечера разнообразились. По четвергамъ насъ учили танцовать, а по субботамъ, если не было бани, мы вмѣстѣ съ молодыми горничными играли въ жмурки, прятали булавочку, которую искали подъ музыку. По воскресеньямъ, если не было гостей, мы тоже играли въ залѣ, но уже одни въ куклы, такъ какъ молодыя и старыя горничныя въ субботу послѣ 4-хъ часовъ убирали свою пряжу и всѣ свои самопрялки, а въ воскресенье вечеромъ, съ 6-ти часовъ принимались на гребняхъ чесать ленъ и приготовлять намыки, для слѣдующей недѣли.

Съ половины ноября начинался рождественскій постъ, всѣ въ домѣ начинали поститься, намъ, пока мы еще были малы, лѣтъ до 8-ми-9-ти, давали молоко и молочную кашу, а съ этихъ лѣтъ постились наравнѣ съ большими.

Помню, закупалась къ этому посту масса разной мороженной рыбы, были и крупныя и мелкія. Этими рыбами наполнялось множество корзинъ, утромъ ихъ приносили въ дѣвичью и мать выдавала изъ нихъ на кушанья повару Тихону. Тутъ заказывалось горячее, и рыба подъ соусомъ, и жареная. Въ комнату наносился запахъ отъ этихъ корзинъ, мать и поваръ долго разбирали эту рыбу, твердую какъ камень отъ мороза; и никому не приходило на умъ, что отъ подобнаго занятія можно простудиться.

Мать моя вообще хорошо переносила и холодную и сырую погоду, такъ же пріучили и насъ. Я и до сихъ поръ не боюсь погоды и почти никогда не болѣю простудой.

Сама же мать каждое утро до старости обливалась холодной водой, по совѣту врачей: утромъ рано, бывало, еще при огнѣ, приносятъ ведро ключевой воды изъ родника, мать становится въ большой жестяной тазъ и на нее выливаютъ эту воду, послѣ этого она надѣваетъ ватное платье и овчиную шубу, сшитую вродѣ полушубка, и идетъ гулять до чая, который у насъ зимой подавался въ 9-мъ часу.

Я вставала очень рано и, бывало, сбѣгу внизъ съ верху, никто меня не видитъ, тетя спитъ, надѣну валенки на босыя ноги закутаюсь въ ватное одѣяло и сяду въ дѣвичьей на лежанку. Дѣвушки уже всѣ сидятъ за пряжей и няня съ ними вяжетъ чулокъ. Увидя меня бывало скажутъ ласково: „вотъ ранняя пташка прилетѣла къ намъ". Слушаю ихъ разсказы о житьѣ бытьѣ нашего народа, при тогдашнемъ крѣпостномъ правѣ. Какъ продавали дѣвушекъ въ замужество въ другія барщины, къ другимъ помѣщикамъ, какъ мальчиковъ отдавали въ Москву и другіе города въ ученье разнымъ мастерствамъ; какъ имъ тамъ жилось, сколько горя эти дѣти видѣли на чужой сторонѣ; какъ многіе помѣщики жестоко обращались съ своими крестьянами, особенно дворовыми, какъ иногда, нуждаясь въ деньгахъ, продавали цѣлыя семьи кому-либо въ услуженіе, или за деньги безъ зачету отдавали молодыхъ людей въ солдаты. Весь этотъ произволъ надъ человѣкомъ служилъ доходною статьею для помѣщиковъ; но въ нашемъ хозяйствѣ, у нашего отца и матери, ничего подобнаго не было. Въ замужество дѣвушекъ отдавали въ другія барщины, т. е. продавали ихъ за деньги, но всегда родители невѣсты должны были узнать и съѣздить посмотрѣть то мѣсто, куда сватали ихъ дочь.

Иногда вмѣсто продажи одну дѣвушку мѣняли на другую, брали къ намъ изъ того имѣнія, куда отвозили нашу. И вотъ, я маленькая дѣвочка знакомилась съ нашимъ народомъ по этимъ разсказамъ, полюбила его, поняла всю его ненависть къ своимъ властителямъ и никогда не осуждала ихъ за это.

Кромѣ этихъ разсказовъ я любила слушать ихъ сказки, которыя наши старыя горничныя умѣли такъ хорошо разсказывать, особенно няня и тетя Саша.

Часовъ около семи бывало кто нибудь посмотритъ въ коридоръ и скажетъ: „барыня встала, Богу молится".

Въ одну минуту побѣжишь на верхъ и юркнешь подъ одѣяло, а иногда спрячешься на лѣстницѣ на площадкѣ и посмотришь, какъ придетъ мать купаться въ дѣвичью; страшно бывало смотрѣть какъ на нее выливаютъ ледяную воду изъ ведра.

Наконецъ, въ 8-мь часовъ приходитъ самая старшая горничная Аксинья и будитъ тетю, она встаетъ и приказываетъ вставать и мнѣ; въ другой комнатѣ въ это же время поднимаются сестра Настя, гувер-

нантка, начинается умыванье, одѣванье; все это заставляли насъ дѣлать самихъ, кромѣ прически: насъ причесываетъ няня или Ольга Сергѣевна, сестра Настя стриженая, а я, какъ помню, всегда была съ большими волосами, мнѣ ихъ заплетали въ косы.

И такъ шли наши зимніе дни, похожіе одинъ на другой. Иногда эти дни разнообразились поѣздками къ роднымъ и знакомымъ. Разъ въ годъ къ 4-му декабря мы всѣ ѣздили за 40 слишкомъ верстъ въ Михайловскій уѣздъ въ Бойчицы къ тетѣ Варварѣ Ивановнѣ. Она была двоюродная сестра матери, ея отецъ былъ Иванъ Ѳомичъ Колеминъ, родной братъ моей бабушки Анны Ѳоминичны. Эти путешествія мы очень любили. Для этого запрягались два экипажа: возокъ и повозка. Въ возокъ сажали насъ дѣтей, съ нами садилась тетя, гувернантка и Аксиньюшка, которая всегда ѣздила съ нами въ качествѣ горничной, да и, кажется, у ней въ Бойчицахъ были родные. Мать не могла переносить ѣзды въ возкѣ и помѣщалась съ отцомъ въ крытой повозкѣ. Въ возкѣ бывало очень уютно, проѣхавши немного, тамъ становилось такъ тепло, что намъ позволяли снять шубки и мы оставались въ однихъ ватныхъ платьяхъ. Тетя иногда вязала что-нибудь изъ шерсти, а также и Аксиньюшка. Разсказываютъ онѣ, бывало, намъ про старину, про бабушку Анну Ѳоминичну, про дѣда Павла Петровича, про нашествіе французовъ въ 12-мъ году; все вѣдь это происходило на ихъ глазахъ.

Моя тетя Александра Павловна и ея горничная Аксиньюшка были уже взрослыми во время нашествія французовъ. Разсказы ихъ были для насъ всегда очень интересны. Говорили они такъ: „сначала получались извѣстія съ тревожными слухами, что французы уже близко. Всѣми читался со слезами манифестъ Александра I-го, гдѣ онъ призывалъ всѣхъ стать на защиту родины и старыхъ и малыхъ. Особенно всѣмъ нравились слова Государя, гдѣ онъ говорилъ: „и я отпущу себѣ бороду, надѣну сѣрый кафтанъ и пойду объ руку съ вами, буду защищать до послѣдней капли крови нашу святую отчизну“. Александра I-го всѣ обожали, чтили какъ святого, считали его долго живымъ и послѣ смерти и, говорили, что онъ гдѣ-то далеко живетъ отшельникомъ. Этотъ обѣтъ онъ будто исполняетъ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія, что, если благополучно кончится война, онъ сложитъ съ себя царскія почести и простымъ отшельникомъ, въ нуждѣ и въ бѣдности окончитъ свою жизнь, а также чтобы замолить грѣхъ юности совершенный имъ во время смерти отца его Павла;—и все таки такой страшный грѣхъ, какъ насильственная смерть Павла, совершенная съ

его согласія, не ставилась ему въ вину. Говорили, что онъ пожертвовалъ отцомъ, чтобы спасти государство, отъ большихъ бѣдъ, которыя ему могло причинить царствованіе Павла.

О 12-мъ годѣ продолжали разсказывать такъ: послѣ вышеупомянутаго манифеста газеты скоро перестали выходить. Всѣ жили въ страхѣ и тревогѣ. Многіе считали Наполеона антихристомъ, находили на это указанія въ апокалипсисѣ, и всѣ ждали страшныхъ бѣдъ и конца міра. Многіе знакомые уже выѣхали изъ Москвы, наконецъ, на сѣверѣ стало каждую ночь показываться зловѣщее зарево. Москва отъ Карцева находилась въ 120 верстахъ, но зарево не сходило съ горизонта и никто не зналъ какая ему причина, было ли это зарево отъ пожара или сѣверное сіяніе кроваваго цвѣта. Однимъ словомъ во всемъ видѣли самыя страшныя предзнаменованія. Спустя нѣкоторое время, послѣ появленія зарева, стало извѣстно, что французы въ Москвѣ. Дѣдъ мой Павелъ Петровичъ поступилъ въ ополченіе, и передъ отъѣздомъ на мѣсто своего назначенія уговорилъ мою бабушку съ дѣтьми выѣхать изъ Карцева. И вотъ, пригласили священника, отслужили молебенъ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и наша семья двинулась въ путь: моя бабушка Анна Ѳоминична, моя тетя Александра Павловна 16 лѣтъ и моя мать 6 лѣтъ, больная лихорадкой.

Бабушка забрала съ собою цѣнныя вещи, двухъ горничныхъ, Аксиньюшку и еще не помню кого, и двухъ лакеевъ. И вотъ нѣсколько экипажей и подводъ двинулось въ путь въ Тамбовскую губернію, гдѣ у моего дѣда были какіе то давнишніе знакомые, съ которыми онъ не видался и не переписывался уже много лѣтъ.

Домъ поручили оставшимся слугамъ; приказали имъ всѣ запасы уничтожить, какъ только французы будутъ близко, домъ и всѣ постройки сжечь. Я воображаю, какъ тяжело было нашему дѣду давать такое приказаніе. Онъ такъ любилъ свой новый и только что отстроенный домъ. Путешествіе въ то время съ конца сѣверной части Рязанской губерніи, почти съ границы Московской, въ Тамбовскую губернію было совершать не легко: не только желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ тогда никто понятія не имѣлъ,—а если бы какимъ либо чудомъ, что либо подобное дошло до ихъ свѣдѣнія, то навѣрное бы приняли этотъ разсказъ за волшебную сказку,—но и шоссе нигдѣ еще не было; приходилось ѣхать простыми дорогами на своихъ лошадяхъ съ своимъ запасомъ корма для нихъ; а также съ большимъ запасомъ провизіи и для господъ и для прислуги.

Пріѣхавши въ Тамбовскую губернію въ богатое имѣніе, помѣщиковъ фамилію не помню, моя бабушка нашла у людей, мало ей знакомыхъ, самый радушный пріемъ.

Разсказывала тетя такъ: „кромѣ семьи нашей бабушки, туда уже съѣхалась много другихъ помѣщиковъ изъ подъ Москвы и изъ сѣверной части Рязанской губерніи; сама же помѣщица, выслушавши отъ пріѣзжихъ подробный разсказъ о приближеніи французовъ, простившись съ своими многочисленными и неожиданными гостями, поручивши своимъ слугамъ, ключницѣ и старостѣ служить пріѣзжимъ какъ служили ей, отпускать для ихъ стола все, что будетъ нужно, и, въ случаѣ приближенія французовъ, сдѣлать тоже, что приказывалъ и мой дѣдъ, т. е. все сжечь и уничтожить до прихода непріятеля, съ своей семьей уѣхала въ другое свое имѣніе въ Воронежскую губернію. Въ этомъ имѣніи наша семья прожила до тѣхъ поръ пока стало извѣстно, что французы бѣжали изъ Москвы. Прожили они въ Тамбовской губерніи очень хорошо въ большомъ обществѣ и пользовались полнымъ комфортомъ, благодаря гостепріимству отсутствующей хозяйки.

Дома по пріѣздѣ нашли все въ порядкѣ, только прислугой были съѣдены всѣ варенья и выпита вся наливка.

И вотъ, бывало, проводя время въ разговорѣ съ тетей и Аксиньюшкой, закусывая вкусными дорожными запасами, наконецъ мы приближались къ цѣли нашего путешествія къ Бойчицамъ. Тетя Варвара Ивановна, старая дѣвушка, милая, добрая, веселая, очень любившая дѣтей, принимала насъ съ такою радостью и радушіемъ, что трудно выразить это словами. Мы сразу наполняли ея маленькій теплый домикъ и усаживались за кипящій самоваръ и сытный ужинъ.

На другой день пріѣзда мы шли къ дядѣ Николаю Ивановичу, родному брату тети Варвары Ивановны. Его домъ былъ гораздо больше и находился на одномъ дворѣ съ домомъ тети. Николай Ивановичъ былъ очень глухъ и съ нимъ разговаривали въ трубу, имѣющую видъ рожка, которую онъ носилъ всегда съ собою. Дядя былъ женатъ, жену его звали Любовь Степановна. Тетя съ ней не особенно ладила, но обожала своихъ племянниковъ, дѣтей брата,—особенно любила мальчика Ваничку, моего сверстника. У тети мы проживали всегда больше недѣли, праздновали ея именины 4-го Декабря и именины дяди 6-го Декабря. Изъ Бойчицъ мы ѣхали вмѣстѣ съ тетей Варей (какъ мы ее звали) къ двоюродному брату моей бабушки Павлу

Петровичу Колемину, въ его имѣніе Бараково, находящееся въ 7-ми верстахъ отъ Бойчицъ. Домъ въ Бараковѣ былъ замѣчателенъ по своей оригинальности; мнѣ въ дѣтствѣ онъ напоминалъ тѣ старинные замки съ подземельями, въ которыхъ непремѣнно должны были водиться привидѣнія и о которыхъ я начиталась въ старинныхъ романахъ „Ратклифъ“, находившихся въ изобиліи въ библіотекѣ моего родного дѣдушки въ Карцевѣ.

Домъ Павла Петровича Колемина былъ мрачный, деревянный, огромный съ верхомъ. Стѣны были темныя отъ времени, двери всѣ внутри комнатъ были устроены съ тяжелыми блоками, и когда они отворялись и затворялись, то производили страшный шумъ.

Вся обстановка въ домѣ была очень странная. Такъ напр. внутри комнатъ находились бесѣдки; одна я помню напоминала восточную пагоду, украшена была перьями, вѣерами, китайскими куклами, внутри этой бесѣдки стояло четыре фигурныхъ стула, и передъ ними крошечный пестрый столикъ. Это сооруженіе находилось посрединѣ большой комнаты, называемой гостинной, въ которой кромѣ этой бесѣдки было множество другой мебели страннаго вида и множество стеклянныхъ этажерокъ съ разными рѣдкостями и древностями. Здѣсь были разныя окаменѣлости, чучела животныхъ, птицъ. Въ углу на подставкѣ лежала громадная кость, которую называли зубомъ мамонта. Были и прекрасныя вещицы изъ севрскаго фарфора, масса настоящихъ китайскихъ вещей, но все это было такъ пыльно и мрачно, что трудно было найти прекрасное въ этомъ хаосѣ. Рядомъ съ гостинной была диванная, въ ней тоже была посрединѣ бесѣдка изъ плюща, который густо обвивалъ ее. Внутри этой бесѣдки были мягкіе шелковые диваны и посрединѣ столъ. На верху этого сооруженія была полузакрытая плющемъ дощечка съ надписью фигурными разноцвѣтными буквами: „храмъ любви и дружбы“.

Все это насъ удивляло и радовало. Самъ хозяинъ былъ высокій худой старикъ съ красивыми сѣдыми кудрями. Костюмъ его тоже былъ оригиналенъ: онъ носилъ всегда очень высокіе воротнички, подвязанные широкимъ бѣлымъ батистовымъ „жабо“ съ громаднымъ бантомъ, сюртукъ также былъ какой то странный. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Карцево, меня всегда интересовала его шинель, была она свѣтло-гороховаго цвѣта и имѣла 15-ть воротнниковъ одинъ другого меньше.

Когда мы вмѣстѣ съ обитателями Бойчицъ пріѣзжали въ Бараково, прямо отъ обѣдни изъ села Кобыльскаго, общаго прихода и Бойчицъ и Баракова, старикъ хозяинъ всегда встрѣчалъ насъ въ прихожей. Былъ онъ очень любезенъ и какъ-то церемонно вѣжливъ; онъ женатъ не былъ, но имѣлъ незаконную семью отъ горничной-крестьянки, которая завѣдывала у него домашнимъ хозяйствомъ, но гостямъ не показывалась, и мои родные и тетя Варвара Ивановна ходили къ ней на верхъ потихоньку отъ Павла Петровича. Говорятъ, что это была замѣчательно кроткая, добрая и хорошая женщина. Дѣтей у нихъ было множество; при нихъ были гувернантки и учитель; но внизъ сходили къ намъ только старшія дѣти, наши сверстники Митрюша и Ѳедя.

Митрюшу всегда заставляли играть на фортопьянахъ, которыя Павелъ Петровичъ всегда называлъ „клавикордами“.

Кромѣ этого музыкальнаго инструмента у него еще были „гусли“, которыя я только здѣсь и видѣла. Было множество балалаекъ, гитаръ, все это висѣло по стѣнамъ. Павелъ Петровичъ церемонно приглашалъ насъ въ столовую, гдѣ уже были приготовлены чай, кофе, шеколадъ, пироги, пирожки и разное домашнее печенье; хозяйничать, т. е. угощать и наливать чай и кофе онъ всегда просилъ тетю Варю, или нашу тетю Александру Павловну. У него мы бывали цѣлый день, обѣдъ всегда былъ обильный и скоромный; такъ что въ этотъ день всѣ наши постники, по случаю рождественскаго поста, разговлялись и возвращаясь въ Бойчицы говаривали: „всѣ мы оскоромились“ и при этомъ полушутя и полусерьезно прибавляли „ну— да и въ священномъ писаніи сказано: предлагаемое да ѣдимъ“, или такъ: „съ своимъ уставомъ въ чужой приходъ не ходятъ“ и т. д. Говорили, что старикъ всегда былъ „вольтерьянецъ“; онъ обожалъ Екатерину II, Потемкина,— ненавидѣлъ Павла и, кажется, имъ былъ обреченъ на безвыѣздную жизнь въ своемъ Бараковѣ.

И вотъ, такимъ образомъ, прогостивши въ Бойчицахъ, пускались въ обратный путь домой. Помню, тетя Варя награждала насъ на дорогу разными домашними лакомствами, пирожными и дарила нѣсколько бутылокъ чуднаго вкуснаго уксуса своего приготовленія, который она дѣлала замѣчательно хорошо. У насъ тоже всегда приготовляли свой уксусъ,—но тети Вари уксусъ считался вкуснѣе.

Она провожала насъ всегда со слезами, съ нее брали обѣщаніе, что она пріѣдетъ къ намъ гостить на Рождествѣ съ своей горничной-наперсницей Фіоной, съ которой никогда не разставалась.

Наконецъ, иногда почти послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, возвращались въ наше милое Карцево.

Помню нашъ пріѣздъ; всѣ выбѣгають насъ встрѣчать; сейчасъ же затапливались печи, подавался въ столовую самоваръ и всѣ, переодѣвшись, усаживались въ столовой за чай; усядутся и скажутъ бывало: а что ни говори, и какъ въ гостяхъ ни хорошо, а все дома лучше.

Мы сидимъ за чаемъ, приходитъ Ѳеодоръ Ильичъ и докладываетъ о хозяйствѣ, обо всемъ, что случилось въ наше отсутствіе, а также сообщаетъ и всѣ деревенскія новости.

И вотъ жизнь опять вступаетъ въ свою колею. Зима идетъ своимъ чередомъ, трещатъ морозы, бушуютъ вьюги, топятся печи, въ холодъ по два раза въ день; но холода не мѣшаютъ намъ продолжать наши зимнія прогулки и катанья. Катаемся мы на ледянкахъ, на салазкахъ и на дровняхъ, запряженныхъ смирными старыми лошадьми. И такъ проходитъ скучный для всѣхъ, мрачный Декабрь.

Съ половины рождественскаго поста уже начинаются приготовленія къ праздникамъ. Откармливается птица, убиваютъ свиней, на опаливаніи которыхъ мы также всегда присутствовали. Очень было весело и красиво смотрѣть пылающій соломенный костеръ на бѣломъ снѣгу.

Убитую птицу приносили на показъ въ „дѣвичью"; ее сортировали, лучшія штуки отбирали на праздники. Птицы всѣ были жирныя, хорошо отдѣланныя, и за нее птичницы и поваръ Тихонъ получали похвалы. У всѣхъ были довольныя лица, всѣ видимо съ удовольствіемъ думали скоро покушать этихъ вкусныхъ вещей, постный рыбный столъ къ этому времени всѣмъ надоѣдалъ.

За недѣлю до праздника, начинали убирать домъ. Посылали Ѳедора Ильича съ обозомъ хлѣба въ Коломну. Ждали его, помню, всегда съ большой тревогой, такъ какъ приходилось всю почти дорогу по шоссе ѣхать боромъ и случались часто грабежи. Какъ помню изъ разсказовъ матери и тети, этимъ грабежамъ потворствовалъ бывшій тогда становымъ Дмитрій Фил. Дубенскій, страшный взяточникъ. Всѣ эти воры, конокрады были у него на откупу. Всѣ это знали, но онъ умѣлъ вести свои дѣла,—дѣлился, вѣроятно, своими доходами съ тѣми, отъ кого зависѣла его служба, и оставался на своемъ

мѣстѣ очень долго. Составилъ себѣ прекрасное состояніе, которое послѣ его смерти все почти было прожито. Дѣти его всѣ вышли прекрасными и идеально честными людьми, такъ что на нихъ не сбылась русская пословица, „что яблочко отъ яблоньки не далеко падаетъ". Но вотъ наконецъ Ѳедоръ Ильичъ возвращается, помню, почему то это всегда бывало вечеромъ. Онъ привозитъ изъ Коломны крупитчатую, какъ тогда называли „конфектную" муку, солодъ и разные предметы нужные для хозяйства: веревки, сошники, ведра, постное и деревянное масло, водку разныхъ сортовъ.

Все это сначала вносятъ въ дѣвичью для осмотра и наносятъ въ домъ страшный запахъ. Потомъ запасы муки, масла и свѣчей убираются въ кладовыя. А вещи нужныя для хозяйства убираются въ сараи.

Домъ убирать и мыть приходили бабы изъ Подосинокъ и Борислова, между ними соблюдалась очередь. Возня бывала страшная, сначала убирали верхъ, а потомъ уже низъ. Отецъ дня за два уѣзжалъ въ Зарайскъ за покупками. Его возвращенія мы дѣти всегда ждали съ нетерпѣніемъ. Пріѣдетъ онъ, бывало, усталый, озябшій; и его уже ждутъ съ чаемъ. Въ это время изъ саней приносятъ ящики съ покупками, въ нихъ чай, сахаръ, сыръ, икра и разныя сласти. Бывало не дождемся, пока отецъ напьется чаю и станутъ разбирать покупки. Сначала начинаютъ разбирать разные подарки для прислуги и разныя обновки для насъ. Это все покупалось въ лавкѣ Курносова. Обновы насъ не интересовали, къ нарядамъ мы были всегда совершенно равнодушны.

Наконецъ, открывается ящикъ съ разными орѣхами: миндальными, грецкими, американскими, намъ всегда даютъ по немногу, но мы и малымъ довольны. Вообще насъ лакомствами не баловали. При томъ намъ было извѣстно, что на Рождество будетъ елка и на святкахъ мы будемъ получать гостинцы. Вообще было какъ то особенно весело возвращеніе отца изъ Зарайска, точно праздникъ уже совсѣмъ былъ близко. Наконецъ домъ убранъ, баня вытоплена и мы всѣ по очереди ходимъ въ баню. Сначала ходила тетя; она любила жаркую баню, потомъ отецъ, послѣ мать и наконецъ отправлялись мы дѣти съ няней, Пелагеей Алексѣевной и Алефтиной. Ходить въ баню намъ очень нравилось. Идемъ, бывало, зимой, ночью, т. е. когда уже совсѣмъ темно, съ фонаремъ внизъ по саду, иногда деревья бывали покрыты инеемъ и такъ красиво освѣщались огнемъ фонаря. Баня была внизу сада, у

самой рѣчки. Иногда бывала мятель, которая наметала сугробы, и такое путешествіе съ препятствіями тоже очень нравилось намъ.

По возвращеніи изъ бани насъ поили чаемъ, кажется изъ сухой малины съ покупными Зарайскими или Коломенскими булками, что намъ казалось очень вкусно, и насъ укладывали спать.

Наконецъ наступалъ канунъ Рождества—сочельникъ.

Въ прихожую вносилась елка, заранѣе привезенная Ѳедоромъ Ильичемъ изъ бора и сохраняемая въ сараѣ.

Послѣ того какъ елка обогрѣлась, ее уже насаженную на деревянный крестъ вносили въ гостинную; двери кругомъ плотно затворялись и мать съ нашими гувернантками, втайнѣ отъ насъ дѣтей, убирали елку. Мы были полны ожиданія, но видѣть ничего не могли. Обѣдъ въ этотъ день былъ совсѣмъ постный безъ рыбы и помню, всегда бывалъ винигретъ и разварка или компотъ изъ разныхъ сушеныхъ плодовъ и ягодъ домашняго приготовленія, купленнаго въ этомъ компотѣ бывалъ только одинъ черносливъ. Часа въ три начинались приготовленія ко всенощной. Весь полъ въ залѣ, корридорѣ, прихожей застилался половиками и рогожами. Въ углу залы столъ покрывался скатертью и устанавливался образами; приготовлялись риза, кадило и стихарь, а также и большія служебныя священныя книги,—все это сохранялось у насъ дома въ особомъ ящикѣ въ шкафу.

Часовъ въ пять приходилъ съ дьякономъ Иваномъ Петровичемъ священникъ отецъ Петръ. Онъ жилъ долго въ нашемъ приходѣ: крестилъ меня, вѣнчалъ а впослѣдствіи крестилъ и моихъ дѣтей; онъ былъ вдовецъ, бездѣтный и былъ очень привязанъ къ нашей семьѣ. У діакона была семья, и мать моя крестила всегда его дѣтей. Дочь его Анюта, впослѣдствіи Анна Ивановна, въ дѣтствѣ почти всегда гостила у насъ, она была по годамъ наша сверстница, а послѣ моей свадьбы переселилась къ намъ совсѣмъ и была настоящимъ другомъ нашей семьи, дѣлила съ нами и радость и горе; никогда съ нами не разставалась, занималась самостоятельно и иногда даже деспотично нашими дѣлами и нашимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи, когда я овдовѣла, она жила со мной въ Карцевѣ и скончалась недавно, уже старухой на моихъ рукахъ.

Съ священникомъ отцомъ Петромъ и дьякономъ Иваномъ Петровичемъ приходили еще два дьячка. Ко всенощной мы всѣ собирались

въ залу, приходили и дворовые, а изъ коридора и дѣвичьей выглядывали всѣ горничныя; приходила сосѣдка, бѣдная дворянка Екатерина Осиповна Маркова со своими дочерьми Анной Емельяновной и Екатериной Емельяновной.

Начиналась всенощная, зажигалось много восковыхъ свѣчей и канделябры на стѣнахъ съ стеариновыми свѣчами; залъ принималъ торжественный, праздничный видъ. Служба совершалась тоже очень торжественно, не спѣша.

Въ концѣ всенощной служили молебенъ Рождеству. Въ концѣ молебна мать бывало шепнетъ что то Пелагеѣ Алексѣевнѣ или Ольгѣ Сергѣевнѣ и та изъ нихъ, кому скажетъ мать, идетъ потихоньку черезъ столовую въ гостинную.

Наконецъ служба кончена всѣ поздравляютъ другъ друга съ наступающимъ праздникомъ. Прислуга и дворовые уходятъ и убираютъ елку. Дьячковъ зовутъ пить чай въ прихожую. Мать отворяетъ дверь и мы видимъ ярко освѣщенную множествомъ восковыхъ свѣчей елку, всю увѣшанную разными лакомствами: конфетами съ картинками, золотыми и серебряными орѣхами, которые мать сама золотила „сусальнымъ" золотомъ и серебромъ, и дѣлала она это потихоньку отъ насъ, когда мы гуляли или учились.

Висѣло на елкѣ много яблокъ. Мы, увидя елку, приходили въ неистовый восторгъ отъ ея красоты.

Хотя теперешнія дѣти, видя современныя елки, съ чудесными картонажами, электрическими свѣчами, нашли бы нашу скромную, но вкусную елку, ничтожной и плохой; но мы лучшей не знали и считали нашу верхомъ совершенства.

Священникъ и дьяконъ въ столовой пили чай. Намъ же было не до чаю, мы все радовались на нашу елку. Наконецъ, проводя священника съ причтомъ, нашу елку гасили, не обрывая украшеній. Намъ дарили по палочкѣ шоколада, и больше мы пока ничего не получали, и шоколадъ намъ строго запрещали ѣсть до завтра, т. е. до Рождества.

Погасивши елку, шли ловить воробьевъ на пирогъ и я, страстно любившая птицъ, постоянно кормившая ихъ въ дѣтствѣ, нисколько не возмущалась этою варварской охотой на бѣдныхъ птичекъ. Конечно, больше все намъ нравилась обстановка при которой шла эта ловля.

Ночью брали фонари и метлы, отправлялись тепло одѣтыя съ Тихономъ—поваромъ, Панфиломъ—садовникомъ, и съ нами также няня и молодыя горничныя въ ригу, и тамъ при свѣтѣ фонарей начинали шуршать метлами. Бѣдныя, сонныя, испуганныя пташки падали на землю, ихъ руками собирали въ мѣшокъ и, наловивши такимъ образомъ сколько было нужно для пирога, мы возвращались весело домой, нисколько не возмущаясь такимъ жестокимъ отношеніемъ къ бѣднымъ, спокойно спавшимъ птичкамъ. И все это продѣлывалось въ эту мирную святую ночь, когда мы всѣ такъ радостно были настроены.

Придя домой, мы здѣсь находили мирное предпраздничное настроеніе. Запахъ роснаго ладона оставшійся послѣ всенощной, во всѣхъ комнатахъ лампадки слабо освѣщали большія комнаты. Мы пробирались на верхъ и тихонько укладывались спать. Утро на Рождество начиналось очень рано, часовъ съ 4-хъ уже всѣ были на ногахъ. Аксиньюшка съ тетей Сашей хлопотали съ тѣстомъ для кулича и пирога, которое стояло въ дѣвичьей на лежанкѣ. Поваръ Тихонъ съ провизіей стоялъ тутъ же въ дѣвичьей. Мать выдавала Тихону все, что нужно было для стряпни на этотъ день для дворни.

Намъ тоже въ этотъ день не спалось, мы одѣвались въ новенькія платья, молились съ няней, читали молитвы Рождеству. Часовъ въ 6-ть приходили дворовые ребятишки, „славили Христа", получали нѣсколько копѣекъ, а мы уже были готовы ѣхать въ церковь. Я, какъ себя помню, лѣтъ съ 8-ми всегда уже этотъ день ѣздила къ обѣднѣ. На дворѣ было совсѣмъ темно, кто нибудь изъ дворовыхъ ѣхалъ верхомъ съ фонаремъ насъ провожать. Я всегда садилась съ тетей Александрой Павловной на маленькихъ лубочныхъ саночкахъ, очень низенькихъ. Намъ запрягали самую смирную лошадку. Тетя очень боялась ѣзды. На другихъ большихъ саняхъ ѣхали мать, отецъ и сестра Настя, но ее брали не всегда; къ намъ же садилась одна изъ гувернантокъ, и наконецъ, третьи сани, дровни, занимали горничныя, которыя уже убрали домъ и были свободны. Дома оставались хлопотавшія съ куличами и пирогами, а также и столовая горничная Павла, которая съ помощью лакея Ардаліона Семеновича должна была все приготовить къ чаю и завтраку. Въ церковь мы всегда пріѣзжали къ началу обѣдни, мой отецъ былъ церковный староста, а въ его отсутствіе его замѣнялъ Ѳедоръ Ильичъ. Въ церкви у стѣны было длинное возвышеніе, на которомъ становились мы съ тетей, тамъ же стояла дьяконица и другія привилегированныя лица. Мать съ нами не стояла, она всегда

становилась около амвона, что бы лучше слышать. Она плохо слышала, глухота у ней появилась послѣ горячки, которой она хворала незадолго до своей свадьбы; причиной глухоты было то, что послѣ болѣзни она рано вымыла голову.

Обѣдня шла очень торжественно и медленно. Пѣли на клиросѣ любители, и конечно очень плохо. Но священникъ о. Петръ и дьяконъ служили превосходно. По окончаніи обѣдни начинался молебенъ о избавленіи Россіи отъ нашествія французовъ, и такъ какъ многіе тогда еще помнили это великое событіе, то и молебенъ тогда имѣлъ особо большое значеніе. Я помню тетя всегда во время молебна плакала.

Послѣ обѣдни прикладывались къ кресту, поздравляли другъ друга съ праздникомъ.

Въ деревнѣ въ церкви всѣ бываютъ какъ одна семья, всѣ знаютъ близко другъ друга, я и до сихъ поръ нигдѣ себя не чувствую такъ хорошо настроенной какъ въ нашей деревенской церкви на Погостѣ Василія Великаго.

Милая старая церковь! Сколько воспоминаній съ ранняго дѣтства и до сихъ поръ связано съ ней. Въ ней меня крестили, здѣсь я первый разъ исповѣдывалась, здѣсь же меня и вѣнчали. Около нея схоронены мои предки и родители и впослѣдствіи мои дѣти.

Наконецъ всѣ приложились къ образамъ, со всѣми перездоровались и опять усѣлись по санямъ и, весело кланяясь во всѣ стороны народу, ѣдемъ домой. Дома насъ уже ждетъ накрытый столъ, на немъ кипитъ самоваръ и большой кофейникъ съ кофе, которымъ такъ вкусно пахнетъ во всемъ домѣ. Мы всѣ раздѣвшись усаживаемся въ столовой за столъ. Сначала мать давала намъ по кусочку просфоры и тогда уже начинали завтракать и разговляться послѣ сорокадневнаго поста. Чего, чего только не было наставлено на столѣ: куличъ, булка, большая кулебяка съ капустой и яйцами, круглый сдобный паштетъ съ форшмакомъ и воробьями, которые были очень нѣжны и вкусны, какъ въ пирогѣ, такъ и маринованные, а такъ какъ мы ихъ всегда налавливали очень много, то незначительную часть ихъ, жареныхъ или лучше сказать прокипяченныхъ въ маслѣ клали въ пирогъ, а остальныхъ укладывали въ банки и мариновали.

Всѣ послѣ долгаго поста, кушали съ большимъ аппетитомъ и восхищались кулинарнымъ искусствомъ Аксиньюшки, тети Саши и Тихона. Послѣ завтрака всѣ старшіе отправлялись отдыхать, а мы дѣти шли опять любоваться нашей елкой и играть въ куклы. Въ куклы мы очень любили играть, и кромѣ находящихся въ дѣйствительности куколъ, у насъ была масса воображаемыхъ, о которыхъ мы постоянно разговаривали, сочиняли цѣлыя исторіи ихъ жизни; всѣ эти воображаемыя куклы были родственниками или знакомыми нашихъ куколъ. Эти миѳическія куклы писали дѣйствительнымъ письма, въ которыхъ описывалась вся ихъ жизнь, всѣ ихъ радости и огорченія, ихъ путешествія заграницу. Вся эта переписка составляла цѣлую литературу. Я сожалѣю, что у меня ничего не осталось изъ этой переписки.— Отдохнувши большіе приказывали подавать обѣдъ, который почти никто не ѣлъ послѣ такого обильнаго завтрака.

Ѣли мы всѣ съ удовольствіемъ только одно пирожное, которое всегда было приготовлено съ битыми сливками. Я ихъ очень любила. Снаружи ихъ были положены вафли или бисквиты.

Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ славить Христа. Послѣ пѣнія Рождественскихъ молитвъ ихъ угощали чаемъ.

Потомъ имъ подавали обильныя закуски съ водкой и виномъ.

Проводивши гостей, наши закусывали тоже съ ними, начинали позѣвывать и, поговаривая о томъ, куда предполагали съѣздить на святкахъ и кого ждали къ себѣ на Новый Годъ (нашъ храмовой Праздникъ), отправлялись на покой.

И мы, дѣти, тоже вставшіе въ этотъ день очень рано, съ удовольствіемъ укладывались спать въ наши теплыя постельки; наши маленькія комнатки на верху такъ уютно освѣщались праздничными лампадками.

И такъ весело было засыпать думая, что впереди цѣлыя двѣ недѣли праздниковъ—не надо учиться, можно цѣлые дни играть, гулять, а по вечерамъ вмѣстѣ со всѣми горничными гадать, пѣть „подблюдныя пѣсни", наряжаться и т. д. И какъ наступали святки, веселью не было конца,—днемъ намъ давали лошедей кататься, по вечерамъ зажигали елку. Гадали такимъ образомъ: клали въ чашку или миску полную воды, кольцо или серьги, накрывали чашку полотенцемъ и

дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни; каждая пѣсня имѣла какое нибудь символическое значеніе.

По окончаніи каждой пѣсни былъ такой припѣвъ: „кому кольцо вынется, тому пѣсня сбудется, не минуется“ и тутъ кто-нибудь изъ старшихъ кому были неизвѣстны вещи опущенныя въ воду, опускалъ въ чашку руку и вынималъ чью-нибудь вещь, которая первая попадалась въ руки.

Потомъ играли въ фанты, искали подъ музыку булавочку, играли въ жмурки. Мы съ гувернантками подъ органъ танцовали кадриль, польку, вальсъ, галопъ. Во всѣхъ нашихъ играхъ, кромѣ танцевъ, принимали участіе всѣ горничныя. Иногда, бывало, въ самый разгаръ нашихъ игръ, послышится шумъ и возня въ сѣняхъ, оказывается пришли ряженные; это нарядились наши дворовые,—кто наряженъ медвѣдемъ, кто его вожакомъ, кто козой; были монахи, цыгане и старики-колдуны съ льняными бородами, лица у всѣхъ были закрыты или такъ загримированы, что ихъ трудно было узнать, тогда и мы и наши горничныя спѣшили также поскорѣе нарядиться, во что попало. Мы чаще всего наряжались мальчиками для чего рубашки косоворотки всегда у насъ были на готовѣ, а также и черные суконные штаны, которые мы надѣвали на гулянья; на голову надѣвали отцову шапку и нарядъ готовъ. Горничныя тоже одѣвались въ бабьи „кички“, поневы, шушпаны, изображали старухъ съ горбами изъ хлопьевъ, или стариковъ въ рваныхъ кафтанахъ съ бородами изъ намыкъ.

Играли на гармоніяхъ, органѣ, всѣ плясали, говорили разныя шутки, остроты. Мать, отецъ и тетя выходили къ намъ изъ столовой разсматривали ряженыхъ, старались узнать знакомыхъ людей, называли по именамъ, часто ошибались; что доставляло большое удовольствіе и возбуждало общій смѣхъ. Шумъ, гамъ стоялъ невообразимый, наконецъ ряженыхъ угощали орѣхами, пряниками, мочеными яблоками и они, оставляя послѣ себя страшную грязь въ залѣ, уходили домой.

Утромъ задолго до свѣта горничныя мыли всѣ полы, гдѣ толпились ряженые и когда мать и отецъ вставали, а это бывало въ 6 часовъ утра, все уже было чисто вымыто, убрано и во всѣхъ печахъ весело трещали дрова. Мать по обыкновенію шла обливаться холодной водой, а отецъ до чаю шелъ по хозяйству, и всѣ вчерашніе медвѣди, вожаки, колдуны и цыгане, выходили изъ своихъ помѣщеній и по указанію отца, принимались за свои обязательныя каждодневныя занятія: шли

за кормомъ для скота, чистили и поили лошадей, кормили куръ, гусей и индѣекъ и утокъ;—и ничто уже въ нихъ не напоминало тѣхъ, шумныхъ, смѣлыхъ, веселыхъ и даже фамильярныхъ съ господами ряженыхъ, какими они были наканунѣ вечеромъ.

Вотъ какъ проводили святки. Днемъ гулянье; катались на лошадяхъ и на ледянкахъ, на салазкахъ. Горы, съ которыхъ мы катались вмѣстѣ съ дворовыми и крестьянскими ребятишками, были естественныя, природныя. Одна гора была между нашимъ садомъ и садомъ нашей сосѣдки Масловой. Наши усадьбы раздѣлялъ рубежъ, который почему то назывался „заулкомъ". Заулокъ этотъ шелъ крутымъ спускомъ съ горы къ рѣчкѣ и такъ какъ по немъ носили воду изъ родника, то вся эта дорога была покрыта льдомъ. Кататься съ ней было и жутко и хорошо. Веселью и смѣху не было конца, на этихъ катаньяхъ благодаря постоянному общенію въ играхъ съ крестьянскими дѣтьми я научилась вполнѣ понимать и жизнь и нужды народа. Новольно болтая съ ребятами, мы узнавали всю ихъ семейную обстановку, всѣ ихъ радости и горе, ихъ полную зависимость отъ господъ; приходилось слышать о разныхъ несправедливостяхъ и дикихъ выходкахъ сосѣднихъ помѣщиковъ. И, мнѣ съ дѣтства пришлось узнать всѣ ужасы крѣпостного права и отъ всего сердца желать, что бы участь народа измѣнилась къ лучшему. Я дѣвченкой всегда была большая демократка, ненавидѣла деспотовъ-помѣщиковъ, нисколько не меньше своихъ крестьянъ и все простое крестьянское мнѣ очень нравилось; я любила принимать участіе во всѣхъ ихъ забавахъ и работахъ; за что мнѣ часто доставалось отъ матери, если она что либо узнавала отъ няни и даже отъ моей милой баловницы тети.

Вечеромъ же мы всегда рядились, гадали и играли въ разныя игры.

Такъ проходила первая недѣля послѣ Рождества.

